

та одно и то же (chos-kyi bdag-med dang stong-pa zhin don-gcig). Пять скандх: 1) *форма*, чувства – рупа; 2) *чувства*, ощущения – ведана; 3) *восприятия-ощущения*, представления – санджня; 4) *духовные склонности и воля*, также опыт – самскара (санкхара); 5) *сознание-разум*, знание, различение – виджняна (виньяна).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что здесь в понятие "личность" включается и объектная область, воспринятая живым существом. Это обстоятельство очень важно для понимания специфики буддийского понимания личности. Как еще на заре XX века писал О. О. Розенберг, для буддийского мыслителя не существует отдельно "человека" и "солнца", а есть некое единое поле опыта – "человек, видящий солнце". Здесь солнце есть уже не внешний объект, пребываю-

щий вне личности, а часть личности, включенная в нее через процесс восприятия. Это уже не "солнце в себе" (таковое буддистов интересует очень мало), а солнце уже воспринятое человеком и ставшее посему частью его внутреннего мира, частью данной человеческой личности [История философии: проблемы и темы. К 60-летию профессора Ю. В. Перова. – СПб., 2001. / статья: Торчинов Е. А. Учение о "Я" и личности в классическом индийском буддизме].

Это не мир, в котором мы живем, а мир, который мы переживаем. Можно еще сказать, что буддизм отрицает единую простую душу, но он все-таки признает некие субстанции, некие "кирпичики", из которых сложена личность.

Надійшла до редколегії 01.02.12

А. С. Сурикова, асп., РХГА, Санкт-Петербург

ПОНЯТИЕ "ПОТУСТОРОННЕГО" В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО И СЕКУЛЯРНОГО СОЗНАНИЯ КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX вв.

1. Захваченность европейской культуры конца XVIII – середины XIX века понятием и темой потустороннего. Тема потустороннего в западно-европейской культуре возникает на рубеже XVIII–XIX вв., что, на первый взгляд, представляется достаточно странным, так как эпоха Просвещения и Нового Времени привычно ассоциируются в нашем сознании с секуляризацией всех сфер жизни европейского человека. Сам дух эпохи с его антропоцентризмом, вытеснением религии и веры в Бога на периферию бытия, утверждением естественной картины мира кажется несомненным с такой иррациональной темой, как "потустороннее". Кажется, что значительно уместнее интерес к нему предполагать в рамках религиозного мировоззрения. Между тем увлеченность темой потустороннего обнаруживает себя именно на фоне секулярной картины мира, являясь до определенной степени ее следствием.

2. Необходимость уточнения понятия потустороннего в контексте обращения к культурной и религиозной ситуации рубежа XVIII–XIX вв. Прояснение вопроса о том, почему и как такое стало возможным, позволяет нам лучше понять культурную и религиозную ситуацию Нового времени, а вместе с тем и нашу собственную, современную культурную и религиозную ситуацию, ибо интерес к теме потустороннего в культуре не исчерпан по сей день. "Ключом" для разрешения этого вопроса должно стать уточнение понятия "потустороннего".

3. Сложность определения понятия потустороннего и возможные подходы в попытке такого определения. Самым естественным для уточнения понятия потустороннего кажется обратиться к его антониму – "посюстороннее". Это представляется достаточно оправданным, поскольку "потустороннее" очевидным образом существует в оппозиции к тому, по отношению к чему оно таковым является. "Посюстороннее" и "потустороннее" в данном случае будут представлять собой такую дихотомию, в которой все сущее делится на то, что "по сю" и "по ту" сторону бытия. Бытие, в частности и главным образом человеческое бытие, выступает здесь в качестве некоей основы, относительно которой возможной становится дихотомия поту- и посюстороннего. По "сю" сторону бытия пребываем мы, люди, и весь мир, доступный нашему восприятию, по "ту" – все, что в этот мир не вмещается в силу своей непонятности и/или чуждости. Другой возможный подход к теме потустороннего – ассоциативный. Если попытаться дать заведомо приблизительное определение потустороннему,

опираясь на достаточно широкий художественный контекст, то ближайшие ассоциации, вероятно, окажутся таковы: потустороннее – это сверхъестественное, неизвестное, чужое, неуловимое и необъяснимое, мистическое и зловещее, наконец, ужасное [Подробнее см. Edith Birkhead. The tale of Terror. F study of a gothic romance. – London : Constable & Company Ltd, 1921. – P. 8–14]. Каждое из этих определений несет значимую для уточнения понятия потустороннего смысловую нагрузку и может быть разобрано подробно с привлечением соответствующего художественного материала.

4. Проникновение понятия и темы потустороннего в культуру с началом секуляризации. Тема и потустороннего возникает в культуре как желание и поиск выхода за пределы естественной картины мира, обеднившей бытие человека Нового Времени. До известной степени "потустороннее" в этом смысле заменяет сакральную реальность. Однако онтология, бытийственного измерения потустороннего секулярная культура никогда не примет и не вместит. Санкцию на свое существование потустороннее получает единственно возможным образом: через сферу художественного творчества, став темой и предметом творческого интереса. Ибо то, что явилось невозможным для сферы рационального, для науки и философии, оказалось вполне возможным для сферы искусства. В искусство потустороннее входит легко и естественно, поскольку искусство – всегда игра, оно о том, что есть и чего в то же время нет. А это как раз отношение к потустороннему в секулярной культуре.

5. Невозможность возникновения понятия потустороннего и развития темы потустороннего в религиозной культуре. Религиозное сознание, и языческое, и христианское полагает в основе всего сущего сакральную реальность и стремится не к разделению сущего, а к его цельности и единству. Сакральное, в отличие от неуловимого и эфемерного потустороннего, обладает полнотой бытийственности [Подробнее см.: Сапронов П. А. Культурология. Курс лекций по теории и истории культуры. – СПб., 2003. – С. 86–102]. Поэтому дихотомия посю- и потустороннего религиозному мировоззрению совершенно чужда. Пояснить это можно, обратившись к тому, каким предстает мир в языческом мифе и проведя параллель между рядом языческих и секулярных понятий и смыслов. Например, таких, как "свое-чужое" в архаическом мифе и "посюстороннее-потустороннее" в секулярном взгляде на мир.

6. Непреодолимость темы потустороннего в рамках секулярного сознания. Наличие "потустороннего" требу-

ет его преодоления, так как "потустороннее" несет в себе угрозу сущему, образуя с ним неизбывную дихотомию и уже потому будучи ему враждебным. Но для преодоления потустороннего с позиции посюстороннего у последнего нет соответствующих средств. Поскольку никаких связей и отношений, никакого перехода от посюстороннего к потустороннему и обратно нет.

А если бы вдруг обнаружили какие-либо связи, это означало бы возвращение к досекулярному мировоззрению, то есть предполагало отказ от дихотомии потупосю-стороннего в пользу каких-то иных реалий, а значит, и от темы вообще, ибо вне указанной противоположности она теряет всякий смысл.

Надійшла до редколегії 01.02.12

К. В. Шевченко

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ ПРОБЛЕМЫ ОБОСНОВАНИЯ МАТЕМАТИКИ

Проблема обоснования математики не имеет окончательного решения уже 2500 лет. Теоретически она была осознана, вероятно, в V в. до Р. Х., когда пифагорейцы, знавшие только положительные целые и дробные числа, открыли несоизмеримые отрезки, а Зенон Элейский сформулировал свои знаменитые апории.

Второй этап в обосновании математики происходил в XVII–XVIII вв. и связан с открытием бесконечно малых и трудностями их дефиниции.

Третий этап в обосновании математики относится к концу XIX в., когда обнаружили формально-логические противоречия в теории множеств Г. Кантора. Тогда стали возникать различные школы, по-разному интерпретировавшие выход из данного затруднения [Савкин Н. С. *Философия: учебник*, 2-е изд., испр./ Савкин Н. С. Абрамов В. А. Белкин А. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – С. 253–257].

Сегодня множественность направлений в обосновании математики позволяет их классифицировать. Так, выделяют, прежде всего, философско-математический фундаментализм в лице логицизма, интуиционизма и формализма. Представители этих школ стремились найти некий незыблемый сугубо математический фундамент, который так и не был определен.

Представители социокультурного подхода, антифундаменталисты, доказывают релевантность культурно-исторических факторов, существенно детерминировавших стиль мышления, картину мира, эталоны, идеалы и нормы научности математиков, их ценностные установки и ориентации. Они подчеркивают наличие множественности математик, обусловленных временем (эпохой, культурой, цивилизацией) и географией. Сегодня число сторонников социокультурной философии математики растёт (М. И. Панов, А. Г. Барабашев, В. М. Тихомиров, В. А. Успенский) [Стили в математике: социокультурная философия математики /Под. ред. А. Г. Барабашева. – СПб: РХГИ, 1999.]. К слову, популярные во второй половине прошлого века дискуссии интерналистов и экстерналистов, во многом были предопределены дилеммой фундаментализм-антифундаментализм.

Увеличивается и количество нестандартных подходов в философии математики, которые предлагают новые оригинальные ракурсы рассмотрения, высвечивающие новые императивы и механизмы развития матема-

тического знания и математических методов. Часто эти подходы дополняют фундаментальные или становятся альтернативными для них [Бажанов В. А. *Стандартные и нестандартные подходы в философии математики. Философия математики. Актуальные проблемы* / Бажанов В. А. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 2007. – С. 7–9].

Таким образом, в проблеме обоснования математики сформировался концептуально-методологический и мировоззренческий плюрализм, который характеризуется ростом потенциала философии математики. Для актуализации этого потенциала необходимо: 1) дальнейшая рефлексия проблемы обоснования математики в рамках всех её относительно автономных направлений; 2) корреляция и корреспондированность последних друг с другом и с субматематикой; 3) учет современной трансдисциплинарности.

Математика и философия – науки об абстрактных и зачастую неверифицируемых структурах. За свою долгую историю они накопили множество находок как в анализе количественных отношений и пространственных форм, так и в познавательных способностях и возможностях человека. Мы не перестаём восхищаться красотой философии математики Пифагора и диалектикой его числа. Думается, что проблема обоснования математики, во-первых, далеко не исчерпала свой когнитивный и эвристический потенциал. Во-вторых, она блестяще подтверждает бессмертную мысль Пифагора о том, что к одному и тому же результату, в любой сфере человеческой деятельности можно прийти бесконечным количеством способов.

Современное украинское общество переходит от тоталитаризма и воинствующего атеизма к демократии, цивилизованности и мировоззренческому плюрализму [Дулин П. Г. *Потенциал духовных ценностей в консолидации украинского общества: Монография*. – Николаев: ТОВ "Фирма Илион", 2009. – С. 234–249]. Последний актуализируется как конфессиональный, этнический, региональный и, в частности, научный. Динамика научного плюрализма инвестируется не только технологиями, но и классическими, внутринаучными проблемами, которые, часто, несмотря на свой солидный возраст, остаются вечно молодыми. Обоснование математики – одна из них.

Надійшла до редколегії 01.02.12